

Д.Н.МАМИН
СИБИРЯК

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Глупая Окся. Эскиз (Сибирские рассказы)

Впервые опубликован в газете «Русские ведомости» 1889, № 8, 9 января. Включен автором в состав «Сибирских рассказов» в 1905 г. Печатается по тексту: «Сибирские рассказы», т. IV, М., 1905.

Сохранились рукописи произведения: 1) «Строгали. Из рассказов о золоте» — рассказ, являющийся вариантом «Глупой Окси» и соответствующих эпизодов романа «Золото» (хранится в ЦГАЛИ); 2) «Глупая Окся» — эскиз, включенный затем в переработанном виде в роман «Золото» (1892); эта рукопись (с пометой: «1888 г. Октябрь. Екатеринбург»); хранится в Свердловском областном архиве.

Содержание

#1	0005
I	0005
II	0011
III	0019

Что Окся глупа, в этом все были убеждены. В Ельниках так ее-и звали: «глупая Окся»... Высокая и широкая в кости девка с рябым и скуластым лицом действительно существовала, кажется, исключительно одними растительными процессами, а умственная жизнь находилась в зачаточном состоянии. Впрочем, о последнем трудно было и судить, потому что Окся постоянно молчала. Если ее очень уж начинали донимать бойкие промысловые парни, она схватывала палку или камень и защищалась, как обезьяна.

— Уродилось же дерево смолевое!.. — удивлялся отец Окси, промысловый «швец» Тарас Пиканников. — Ни к чему ее не применишь... Одно слово, не в людях человек.

Вся семья так и смогрела на Оксю, как на рабочую скотину. Сила у ней действительно была лошадиная, точно несправедливая судьба хотела вознаградить ее хоть этим за большие пробелы по части красоты и ума. Работала Окся в своей семье за двоих и так же безответно, как работает лошадь; но ее работы ни-

кто не хотел замечать, точно это так и должно быть. В сущности, она везла весь дом и ни от кого еще не слыхивала доброго слова, а пьяный отец ее же колотил сапожными колодками. Пьян был Тарас без малого каждый день, как настоящий сапожник. Нельзя, работа тяжелая: с устатку все промысловые пировали. Его широкое лицо с чахлой бороденкой давно опухло от беспросыпного пьянства, маденькие черные глазки постоянно были налиты кровью, а нос выглядывал клюквой.

Проваленная избушка, в которой околачивалась Тарасова семья, стояла на самом краю селения. Она давно покосилась, и в единственном окне половина стекол заменялась синей «сахарной» бумагой. Издали эта избушка так и походила на человека с подбитым глазом. Около избы ни загородки, ни конюшни, ни амбарушка, ни навеса — хоть шаром покати. Лес был рукой подать, и Тарас рассуждал так, что выстроиться всегда успеет; поэтому же он никогда и дров не запасал. Отправится Окся в лес, приволокет на себе сухарину[1] да и долбит ее, — сколько нужно, столько и отрубит. Внутри избушка походила

на плохую кузницу или конюшню. Закопченный потолок, дымившая печь из битой глины, горбатый пол из коекак обтесанных плах, две лавки, полати — и все обзаведение тут. По зимам в одной этой избе проживало целых пять душ: сам Тарас со своей старухой Акулиной, его сын Вахрушка с женой и Окся.

— Все-таки свой угол, — утешался Тарас. — Захочу — и новую избу поставлю: лес-от вон он стоит. Получше нас добрые люди в землянках живут, а мы еще слава богу...

Вахрушка по своей беспечности и характеру напоминал отца. Зиму он работал дома, а с первой вешней водой бросал все и уходил на промыслы вместе с женой. На заморозках к осени он возвращался под отчий кров и обыкновенно ничего не приносил с собой. Что зарабатывалось, то и пропивалось; но Тарас гордился своим единственным сыном. Как же, все-таки сыщ, работник в дому, а не то, что девка! Окся тоже все лето работала на промыслах, и Тарас забирал деньги вперед под ее работу. Она и возвращалась с промыслов с деньгами, и Тарас опять отбирал у нее все, чтобы пропить с Вахрушкой. На что деньги

глупой девке? Чтобы дело было вернее и Окся не утаила бы какого гроша, Тарас просто отдавал ее в аренду.

— Лошадь, а не девка, — нахваливал он дочь в кабаке своим нанимателям. — Сколько «хошь сробит, потому безответная... Как упрется, так даже глядеть на нее страшно. Говорю: дерево смолевое.

Своя «швальная часть» у Тараса по зимам шла полным ходом. По приисковому делу разный «обуй» составлял главную статью расхода: без обуток нельзя, а в воде да и в грязи кожа точно горела. Когда Тарас был помоложе, он на промыслах занимал должность шорника, но потом женился, начал пить и поэтому исключительно занялся своим делом. Все мастерство — дома: сноха тачает голенища, Вахрушка обделывает закаблущья и подошвы, а Окся — все, что потруднее. Сам Тарас любил больше починку: положит заплатку, поправит «подборы» к стоптанным козловым ботинкам какой-нибудь приисковой щеголихи — выпивка и готова. Более крупные заработки пропивались совместно с Вахрушкой, как главной подпорой и надеждой всей се-

мьи.

Только раз безответная Окся взбунтовалась и потребовала себе козловые ботинки.

— Да на что тебе, дуре? — изумился Тарас. — Не к роже...

Но за Оксю вступилась мать, и ботинки были сшиты, то есть сшила их сама же Окся, работая по ночам.

— Пусть ее потешится, — уговаривала Акулина мужа. — Конечно, глупая: видит у других баб ботинки, вот и ей забрело в башку... Незамужница она у нас, так пусть хоть на ботинки на свои поглядит.

Тарас свеликодушничал, — разве с бабами сговоришь? Но ботинки Окси смущали его каждое утро, когда голова трещала с похмелья: рубль серебра задарма пропадает. Раза два Тарас пробовал стащить их у дочери, но та лезла на стену и не давала единственного своего сокровища. Эта история с ботинками, однако, кончилась для Окси очень скверно. В одно прекрасное утро передняя стена избышки оказалась вымазанной дегтем.

Оксю били сильно и долго. Тарас и Вахрушка соединились в общей ревности за по-

пранную фамильную честь. Избитая и покрытая синяками Окся молчала как убитая... В результате явился мертвый ребенок, и только тут Окся заговорила: как она плакала и убивалась над крошечным мертвым тельцем!.. Тут даже Тарас отступился и только развел руками.

— Вот дура-то... а? Ведь польстился же какой-то озорник на этакое дерево... Вот тебе и козловые ботинки! Другая бы радовалась, что господь прибрал младенца, а она ревмя-ревет, как корова.

Ельники — самые старинные золотые промыслы на Урале, и в крепостное время население было согнано сюда из разных местностей. Таким путем образовалось большое селение с типичным промысловым характером. Все постройки ставились как-то так, как строят на время: то крыша недокончена, то недостает по «планту» двух окон, то службы поставлены через, улицу и т. д. Даже церковь, и та не избегла общей участи. Каменное здание было начато очень широко, да так и осталось недостроенным. Впрочем, трудно и винить ельниковских мужиков за эти недочеты в стиле, потому что подземные шахты подходили под самое селение, отчего там и сям образовались провалы. В других местах прямо через улицу шли громадные свалки из пустой породы. В центре селения разливался небольшой пруд, а у плотины день и ночь гремела толчея.

Издали вид на Ельники все-таки был очень красив, благодаря обступившим жилье зеленым горам. Как на хорошей картине, по-

лучалось много света и воздуха, а синевшая даль уходила из глаз. Самый беспорядок построек придавал селению тот промысловый характер, когда людям некогда думать о комфорте, да и неизвестно, сколько проживется. Пока золото идет — и селение стоит, а «изубожились» жилы — и все разбредется куда глаза глядят. Но, несмотря на это существование «пока», каждый год появлялось несколько новых изб и далеко желтели новые тесовые крыши. По таким желтыш пятнам построек можно было безошибочно определить, кому повезло счастье: кто находил «хорошее золото», тот и начинал строиться. Так как счастье не одинаково, то эти постройки останавливались на разных стадиях: у одного выстроена вся изба и службы, у другого — одни службы, а у третьего только поставлен забор.

Земля, на которой красовались Ельники, была казенная, но наделов крестьянам не полагалось. Нарезку земли тормозила из года в год громадная компания, арендовавшая всю казенную землю. Таким образом, ельниковцы или работали у компании, как поденщина, или брали на себя отрядные работы, то есть

получали от компании крошечный лоскуток земли с условием сдавать все добытое золото компании по известной цене. Компания страшно эксплуатировала безземельное население и обставляла его труд невозможными условиями, особенно отрядные работы. Но каждый из рабочих мечтал именно о последнем, потому что только здесь представлялась единственная возможность поправиться и даже разбогатеть, конечно, если кому господь пошлет счастье. Это была самая азартная игра — игра на труд. В результате получалось то, что дивиденды компании все росли, а население беднело и развращалось.

В одно прекрасное утро в кабаке целовальника Пятачка поднялся неистовый хохот кабацких завсегдатаев. Главным действующим лицом являлся Тарас Пиканников, который пришел в новом азыме и заявил, что пошабашил свою швальню и будет с семьей робить на отряд, как другие.

— Землю тачать кайлом хочешь, Тарас?..

— А уж это как господь покажет... Будет мне сапоги вам шить, подлецам.

— Он шилом, того гляди, наковыряет себе

золота, братцы...

Настоящие приисковые рабочие всегда смотрели с презрением на таких новичков, которые берутся искать золото, а сами не умеют взять лопату в руки. Попадет такой новичок в забой или в ледяную воду, — и шабаш, с копыльев долой. Где уж таким белоручкам тягаться с приисковыми волками, одеревеневшими на каторжной промысловой работе? Поэтому заявление Тараса и вызвало неудержимый хохот: шваль, который целую жизнь, согнувшись в три погибели, ковырял шилом, вдруг пойдет на отрядную работу...

— Бить тебя некому, Тарас, — заявил и сам целовальник Пятачок, покачивая головой. — Погляди ты на себя, какой ты отрядный.

Но Тарас оказался хитрее, чем можно было предполагать. Он выбрал делянку уже с готовым золотом. Компания отдавала На отряд участки земли в Двадцать пять квадратных сажен, с условием, чтобы шахты не углублялись ниже десяти сажен. Опытом было уже установлено, что золотоносные жилы встречаются именно на этой глубине, и когда отрядные рабочие отыскивали жилу, компания

ставила свои работы. Таким образом, самая дорогая и рискованная часть промыслового дела — разведки — производилась даром. Тарас взял заброшенную делянку, с готовой шахтой-дудкой, ^которая была оставлена, как пустая, на шестой сажени. Какой-то отрядный рабочий выбился из последних сил на половине работы и умер от натуги. Вахрушка, болтавшийся по промыслам, разведал как-то, что именно в этой делянке есть хорошие знаки, и, потихоньку ото всех, недели две ковырял в дудке, пока не напал на кварцевую жилу. Тогда только оставалось оформить дело, то есть взять делянку от компании со всеми канцелярскими церемониями.

В проваленную избушку Тараса Пиканникова заглянул настоящий золотой луч, ожививший разом все. На радостях Тарас прежде всего поставил в своей избушке громадные новые ворота и даже выкрасил их. Появился ведерный самовар, у снохи — кумачные платки на голове, у старухи Акулины — новенький ситцевый сарафан, у Вахрушки — плисовые шаровары, и только одна Окся, наученная горьким опытом, отказалась от всякой об-

НОВКИ.

— Совсем глупая девка! — решили соседи в окончательной форме.

Тарас Пиканников сделался героем промыслового дня. Любопытные приходили с другого конца селения, чтобы посмотреть новые ворота, а разная деревенская родня лезла прямо в избу. На радостях Тарас уже совсем развернулся и купил у цыгана лошадь, хотя ездить ему было некуда. Потом явился новый овчинный полушубок, мешок крупчатки, гармония у Вахрушки, а водка не сходила со стола. Проворный целовальник Пятачок до того вверился Тарасу, что отпускал водку четвертями прямо в долг.

— Эх, распыхался как Тарас! — завидовали все дурацкому счастью.

Более проникательные прибавляли:

— Ничего, скоро откантует... Не велика жилка, а подойдет девятая сажень — и шабаш.

Но и здесь Тарас оказался хитрее других. Он не накинулся на свое золото, а добывал его сколько нужно. Отправится всей семьей к дудке, поработает до полуден — и кончено.

Когда добытое золото проедалось, опять выходили на работу.

— Оно вернее, когда в земле золото мое лежит, — объяснил Тарас.

Делянка Тараса от Ельников была верстах в двух, и любопытные нарочно ходили туда, чтобы посмотреть, как шваль добывает свое золото. Дудка — это круглая дыра аршина полтора в диаметре. Преимущество ее перед обыкновенной квадратной шахтой в том, что не нужно крепить стенок. Положим, что работать в такой дудке крайне опасно, и горный устав строго запрещает такие работы, но всякому закону по нужде бывает «пременение». В дудке работала, конечно, Окся, потому что это была самая трудная часть предприятия. Вахрушка управлялся наверху, «выхаживая» на воротке из дудки разную породу. Сноха на тачке отвозила пустую землю под горку.

— Да не дура ли эта Окся? — дивились еще раз все, заглядывая в дудку. — Задавит ее землей... Бабье ли это дело в забое робить?

Тарас обыкновенно приезжал к дудке верхом и, не слезая с лошади, распоряжался, как главнокомандующий.

— Нет, вы вот что, — объяснял он своим завистникам: — как она, Окся-то, там поворачивается... на восьмой сажени... Ведь это помереть надо, а она изворачивается.

Когда жилки добывалось достаточно, Тарас подходил к дудке и кричал:

— Шабаш, Окся!..

Отец и сын, впрочем, жаловались, что уж очень тяжело поднимать эту Оксю из дудки: прицепится к веревке и точно чугунная. Оксю вытаскивали из дудки всю покрытую красной приисковой глиной и мокрую по колена, но она не жаловалась на свою работу и, по обыкновению, молчала, как пень.

Огрядные работы, как и компанейские, были обставлены сплошным воровством. Причина заключалась в том, что рабочим платили за добытое золото «любую половину» его номинальной стоимости, а то и меньше. Если отрядный рабочий попадал на очень большую жилу, компания платила ему все меньше и меньше, по мере увеличения добычи. Понятно, что это вызывало утаивание добытого металла и тайную продажу его скупщикам. В Ельниках образовалось что-то вроде воровской биржи, с понижениями и повышениями. Кабатчик Пятачок являлся главным посредником и всегда выходил сух из воды.

Пока золото шло хорошо, Тарас не нуждался в сбыте его на сторону. Пятачок одобрял придуманную Тарасом систему не вырабатывать всей жилки зараз.

— Все равно деньги пропьете, — уговаривал он Тараса. — Успеете. Помаленьку-то года два пьяны будете, а зараз-то и на полгода не хватит.

— Обыкновенно, где хватит, — соглашался

Тарас. — Известно, какая наша жисть. Вот лошадь завел, ворота поставили. Как же, нельзя, надо все, как у добрых людей.

— Ты избу-то выправляй, Тарас.

— Изба от нас не уйдет.

Так шло дело целую зиму. Тарас совсем опух от водки и начал даже заговариваться — «играли хмельники». Теперь он сам не ездил на свою дудку, а возила его жена в новеньких пошевнях. Подъедет Тарас к работе, вылезет из саней и подойдет.

— Окся, ты тут? — крикнет он в дудку.

— Здесь, тятенька, — из-под земли донесется знакомый голос.

— Идет жилка?

— Идет, тятенька.

— Ну, старайся, милая.

Иногда на Тараса нападало что-то вроде сомнения: зачем они, в самом-то деле, морят в забое девку? В кабаке проходу не дают Оксиней работой. Тарас пробовал даже принимать энергичные меры и накидывался на Вахрушку.

— Ты чего, лодырь, у воротка торчишь? — ругался Тарас, — Полезай в дудку

— Полезай сам, коли охота, — грубил Вахрушка.

— Да ведь мы измаем Оксю-то! Не ровен час, еще придавит землей. Кто ее знает, как она там копается.

— Коли она дура, так я не виноват тому делу.

Однажды под пьяную руку Тарас даже подрался с Вахрушкой, но толку из этого все-таки не вышло. Окся продолжала оставаться в забое и работала там до тех пор, пока сверху ей не крикнут: «Шабаш, Окся!». Она даже позеленела от подземной работы и начала кашлять.

Вы бы хоть работника прихватили, — советовали жалостные бабы-соседки. — Измывается девка на вашем золоте.

— Работник, — удивлялся Тарас. — А Вахрушка на что? Слава богу, свой работник в дому. Да я и сам, ежели касаемо што, так могу вполне соответствовать... Сам в забой пойду.

— Так и пошел! — корили бабенки. — Один у вас, у мужичков, забой: в кабаке у Пятачка проклажаться.

К весне Тарас стал замечать, что жила «изубожилась». Кварц все самый форменный, а золота прежнего не стало. Конечно, виновата глупая Окся, которая непременно упустила настоящую линию и работает в дудке черт знает как. Тарас даже решился сам спуститься и прополз по узкой норе до того места где, лежа на животе, работала Окся.

— Куда ты, дура, золото наше девала? — ругался Тарас, толкая Оксю кайлом в бок. — Понадейся на чужую работу.

— Девятая сажень, тятенька, подходит.

— Молчи, дура. Не твоего ума дело.

Золота стало попадать все меньше, а потом Вахрушка совсем замотался: пирует в кабаке и на работу нейдет. Пришлось Тарасу самому стать к вороту и «выхаживать» деревянную бадью с землей. Работа хоть и не тяжелая, но после целого года безделья она казалась Тарасу очень горькой. Хорошо еще, что Пятачок научил: половину золота сдавай в контору, а другую половину скупщикам — вот опять и будет та же цена. Не хотелось Тарасу вожжаться со скупщиками, но делать нечего. Старуха Акулина, и та ворчит, что де-

нег стали мало приносить домой.

Ввиду таких стесненных обстоятельств Тарас решился поставить хоть новую избу, а то и в самом деле безо всего останешься. Сказано — сделано. Ворота уже есть. Заказал Тарас бревен мужикам, а сам принялся разворачивать свою избушку. Окся по-прежнему работала в забое, а у ворота стояла жена Вахрушки. Тарас, под предлогом постройки, являлся на дудку только поругаться с бабами. Раз, когда он приехал верхом на работу, сноха сидела без всякого дела.

— Ты это што лодырничаеть? — обругался Тарас.

— Да чего мне делать-то, коли Окси нет...

— Как нет?

— Да так... Видно, домой пошла, а я вот и сижу одна.

— Врешь что-нибудь...

Наклонившись к дудке, Тарас крикнул:— Окся, куда ты запропастилась?.. Эй, Окся...

Ответа не последовало.

— Спит, видно, подлая... — решил Тарас. — На этих баб только надейся!

Он спустился в дудку, чтобы отлупить Ок-

сю на все корки, но там никого не было, дудка стояла пустая.

— Ну и дура же! — удивлялся Тарас, вылезая на свет божий.

Окси и след простыл, точно она в воду канула. Пока Тарас ее разыскивал, какой-то штегер успел донести, что дудка уже на девятой сажени и пора ставить компанейские работы. Таким образом Тарас разом лишился всего: ни дудки, ни Окси, ни избушки. Оставался один кабак Пятачка.

— Куда Оксю-то дели, анафемы? — пристаивал целовальник, не отпускаявший теперь в долг ни на грош.

— Отстань...

Но раз Пятачок расщедрился и сам предложил Тарасу стаканчик, — счет шел под новые ворота.

— Поздравить тебя надо, Тарас, — ухмылялся Пятачок.

— С чем это?

— Окся-то закон приняла...

— Н-но-о?..

— Верно тебе говорю... В Карягиной и свадьба была. Форменное приданое себе справи-

ла да еще деньгами рублей сорок принесла. Этак-то хошь кто женится... Я бы женился, кабы знал.

— А где она деньги-то взяла, дура?

— А в ноздре, говорит, все из дудки носила... ну, и натаскала. Вот тебе и глупая Окся!..

Примечания

Сухарина— засохшее на корню дерево. (Прим.
Д. Н. Мамина-Сибиряка.)

[^^^]